

ГОДЪ

XV-Й.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается
въ Епархіальномъ складѣ
церковныхъ свѣчь и утвари
въ зданіи Духовной Конси-
сторіи.

Цѣна годовому изданію
съ доставкой к пересылкою
ШЕСТЬ рублей.

№ 15.

Объявленія принимаются
только позади текста по 10 к
за строку петита.
За разсылку при Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостяхъ, отпеча-
танныхъ объявленій изи-
мается ТРИ рубля.

15-го августа 1908 года.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

ИЗВѢСТІЯ ПО ЕПАРХІИ.

Резолюціей Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Приамурскаго, отъ 22 Іюня сего года за № 1561, 1) священникъ церкви с. Черемховскаго *Викторъ Козловскій* перемѣщенъ, согласно прошенія, на вакансію перваго священника къ гр.—Хабаровскому Успенскому собору, 2) священникъ градо-Благовѣщенской Св.-Троицкой церкви *Александръ Самель* перемѣщенъ на вакансію священника къ церкви с. Черемховскаго, съ возложеніемъ на него исполненія обязанностей завѣдующаго Черемховской второклассной школы и 3) священникъ Николаевской церкви г. Пристань-Зея *Веніаминъ Скворцовъ* назначенъ и. об. Благочиннаго прииска выхъ церковей Зазейскаго района.

Предложеніемъ Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Приамурскаго, отъ 24 Іюня сего года за

№ 1566, протоіерей градо-Благовѣщенскаго кафедральнаго собора *Александръ Гаркинъ* и Благочинный 10 участка, священникъ градо—Хабаровкой Иннокентіевской церкви *Іоаннъ Каюковъ* **перемѣщены**, для пользы службы, одинъ на мѣсто другого, при чемъ первый изъ нихъ—съ назначеніемъ Благочиннымъ 10 участка, а второй—ключаремъ градо-Благовѣщенскаго кафедральнаго собора.

На вакансію псаломщика при Черемховской церкви, согласно прошенія, по журнальному опредѣленію Епархіальнаго Начальства, отъ 24 Іюня с. г. за № 17/100 назначенъ и. д. псаломщика учитель Оглухинскаго сельскаго училища, Плокалинскаго уѣзда, *Іоаннъ Артеевъ*.

Телеграммой Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Владиміра, Епископа Приамурскаго и Благовѣщенскаго, отъ 5 Іюля с. г., изъ Тулы: 1) священникъ градо-Благовѣщенской Кладбищенской церкви *Владиміръ Вышинецъ* временно назначенъ предсѣдателемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго женскаго училища и Благовѣщенскаго Епархіальнаго ревизіоннаго Комитета и 2) священникъ 1-го причта Маньчжурской миссіи при кафедрѣ Епископа Приамурскаго іеромонахъ *Макарій* назначенъ временнымъ священникомъ гр.-Благовѣщенскаго кафедральнаго собора.

Учитель Черемховской второклассной школы *Николай Бешляга*, согласно прошенія, протокольнымъ опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго начальства, отъ 10 Іюля с. г. за № 111/217, назначенъ на должность псаломщика при гр.-Благовѣщенской Михаило-Архангельской церкви.

Заштатный псаломщикъ Благовѣщенской епархіи *Михаилъ Гобовъ*, согласно прошенія, протокольнымъ

опредѣленіемъ Епархіальнаго начальства, отъ 10 Іюля с. г. за № 142/238, назначень на псаломщическую вакансію при градо-Благовѣщенской Свято-Троицкой церкви.

На вакансію псаломщика при церкви вновь открытаго прихода въ ст. Николаевской, Амурской области, согласно прошенія, журнальнымъ опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго начальства, отъ 25 Іюля с. г. за № 61/198, назначень бывший воспитанникъ Благовѣщенской Духовной Семинаріи *Владиміръ Тихвинскій*.

Избранные съѣздомъ депутатовъ духовенства благочинія VIII уч. Благовѣщенской епархіи: священникъ *Михаило-Семеновской* церкви *Филиппъ Ушаковъ* — депутатомъ на общепархіальный съѣздъ въ семь году, священникъ церкви с. Благословеннаго *Евдокимъ Сальниковъ* — слѣдователемъ по благочинію VIII уч. срокомъ съ 8 Іюня с. г. впредь на три года и священникъ *Пузиновской* церкви *Георгій Паричевскій* — духовникомъ того же благочинія на 1908 г. — Преосвященнѣйшимъ *Владиміромъ*, Епископомъ *Приамурскимъ* и *Благовѣщенскимъ*, 15 іюня с. г., въ означенныхъ должностяхъ утверждены.

Священникъ с. Васильевскаго *Александръ Зимовцовъ*, избранный съѣздомъ духовенства благочинія VII уч. на должность слѣдователя по этому благочинію, срокомъ съ 13 Іюня с. г. впредь на три года, журнальнымъ опредѣленіемъ Епархіальнаго начальства, отъ 23 Іюня с. г. за № 45/161, въ означенной должности утвержденъ.

Избранные съѣздомъ церковно-служителей на должность слѣдователей: священникъ градо-Николаевского *Приморскаго* собора *Степанъ Реполовскій* по

XII участку и священникъ Богородской церкви *Василій Медведъвъ* по XI участку журнальнымъ опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго начальства, отъ 25 Іюля с. г. за № 112/199, въ означенныхъ должностяхъ утверждены.

Псаломщикъ градо-Хабаровскаго Успенскаго собора *Петръ Пальчиковъ*, 22 Іюня сего года, Преосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Епископомъ Приамурскимъ и Благовѣщенскимъ, рукоположенъ въ санъ діакона, съ оставленіемъ на вышеозначенной должности псаломщика.

Священникъ Амурской приисковой церкви, Приморской области, *Митрофанъ Винокуровъ*, согласно прошенія, по протокольному опредѣленію Епархіальнаго Начальства, отъ 4 Іюля с. г. за № 131/227, уволенъ въ отпускъ для поѣздки въ г. Томскъ, срокомъ съ 5 Іюля впредь на два мѣсяца.

Принятый на службу въ Благовѣщенскую епархію и назначенный на священническое мѣсто къ Нижне-Тамбовскому миссіонерскому стану, священникъ Смоленской епархіи *Сергій Пляшкевичъ*, нынѣ, согласно прошенія, отъ 5 Іюля с. г., отъ даннаго назначенія освобожденъ.

Псаломщикъ 1-го причта Маньчжурской миссіи *Василій Маркинъ*, согласно прошенія, резолюціею Его Преосвященства, отъ 13-го Іюня с. г. за № 1499, уволенъ отъ и. об. псаломщика по Маньчжурской миссіи.

Священникъ гр.-Благовѣщенской Михаило-Архангельской церкви *Николай Наповскій*, согласно прошенія, протокольнымъ опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго начальства, отъ 5 Іюля с. г. за

№ 184/230, отъ вышеупомянутой должности священника уволенъ.

И. д. псаломщика при градо-Благовѣщенскомъ кафедральномъ соборѣ *Никита Топольнякъ*, согласно прошенія, журнальнымъ опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго начальства, отъ 8 Іюля с. г. за № 51/173, отъ упомянутой должности уволенъ.

Вр. и. об. псаломщика при гр.-Благовѣщенской Михаило-Архангельской церкви *Александръ Сныуровскій*, журнальнымъ опредѣленіемъ Благовѣщенскаго Епархіальнаго начальства, отъ 9 Іюля с. г. за № 52/174, согласно прошенія, отъ исполненія вышеозначенныхъ обязанностей отчисленъ съ 20 Іюня с. г.

Благовѣщенскія Епархіальныя Вѣдомости

15-го августа

№ 15

1908 года

О Т Д Ъ Л Ъ Н Е О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й.

Вѣротерпимость.

Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1905 года утверждены начала вѣротерпимости. „Призывая благословеніе Всезышняго на это дѣла мира и любви“, Государь уповаетъ, „что оно послужитъ къ вящему возвеличенію православной вѣры, порождаемой благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и добрыми примѣрами“. Наперсный крестъ, который носятъ всѣ священники, по волѣ того же Государя, имѣетъ на оборотѣ слова апостола: *Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тимое. 4, 12). Слѣдовательно мы, священники, должны первые показать „добрые примѣры“ вѣротерпимости. Для этого необходимо знать природу, исторію, а отчасти и будущность вѣротерпимости. „Мало предметовъ, столько же интересныхъ и важныхъ, о которыхъ написано было бы такъ мало дѣльнаго. По разсматриваемому вопросу не существуетъ ни одной хорошей книги“. *) Это говорилъ въ первой своей лекціи, читанной студентамъ разныхъ богословскихъ школъ, американскій докторъ богословія Филипсъ Бруксъ. Если въ западной богословской литературѣ нѣтъ ни одной хорошей книги о вѣротерпимости, то въ нашей русской нѣтъ, кажется, не только книги, а даже статьи. Какъ смотрятъ у насъ на вѣротерпи-

*) Душеполезное чтеніе 1907 г., кн. 6, іюль стр. 435.

мости: даже выдающіяся лица, видно изъ словъ о. Іоанна Кронштадтскаго о приведенномъ царскомъ указѣ, гарантирующемъ религіозную свободу. „Нашъ народъ“, сказалъ онъ; „весьма невѣжественъ и неспособенъ сдѣлать разумное избраніе религіи, поэтому гораздо лучше бы не давать ему повода сбиваться съ истиннаго пути“. ⁹¹⁾ Въ виду всего этого мы считаемъ не безполезнымъ познакомить читателей съ содержаніемъ лекцій д-ра богословія Филиппа Брукса. ⁹²⁾

Вѣротерпимость нужно отличать отъ свободы вѣроисповѣданій. „Вѣротерпимость есть духовное расположеніе челоуѣка; свобода вѣроисповѣданій есть уже нѣкогорая дѣйствительность, гдѣ расположеніе такъ или иначе осуществляется“.

Изучая природу вѣротерпимости, этого достохвальнаго, но неправильно понимаемаго блага нашихъ дней, мы должны начать съ сѣбующаго утвержденія, которое, какъ я думаю, будетъ ключевой нотой для всего, о чемъ я поведу рѣчь дальше,—именно, что вѣротерпимость есть такое состояніе, которое происходитъ изъ соединенія двухъ элементовъ, и изъ нихъ каждый необходимъ для ея существованія. Отъ гармоническаго и пропорціональнаго соединенія ихъ зависитъ качество вѣротерпимости и она бываетъ ихъ результатомъ. Эти элементы суть, во-первыхъ, положительное убѣжденіе, и, во вторыхъ, сочувствіе къ людямъ, которые бываютъ несогласны съ нами въ своихъ убѣжденіяхъ. Однако, не странно ли говорить, что именно оба эти элемента необходимы для истинной вѣротерпимости? Развѣ мы не привыкли думать, что сильное положительное убѣжденіе несов-

⁹¹⁾ Церковныя Вѣдомости 1907 г., № 42, стр. 1819.

⁹²⁾ Душеполезное чтеніе 1907 г., книги 7,8,9 и 10.

мѣстимо съ вѣротерпимостью? Подвергаясь искушенію стать людьми вѣротерпимыми, не слѣдуетъ ли намъ опасаться того, что мы можемъ при этомъ утратить свои собственныя убѣжденія, поступиться своей крѣпкой вѣрой, которая составляетъ истинное условіе нормальнаго человѣческаго существованія? Нисколько не странно, если во всѣхъ насъ появились бы подобныя опасенія. Напротивъ, было бы странно, если-бы кто-нибудь изъ насъ сдѣлался совершенно ихъ чуждымъ. Такъ сильно, такъ неизмѣнно люди увѣрены въ томъ, что положительная вѣра и вѣротерпимость не могутъ уживаться одна съ другой. „Первый поводъ къ вѣротерпимости», сказалъ Чарльзъ-Джемсъ-Фоксъ, «дается сомнѣніемъ». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одно изъ уважаемыхъ духовныхъ лицъ въ городѣ, гдѣ я живу *), говоря рѣчь при открытіи памятника Джону-Гарварду въ университетѣ, названномъ по его имени, заявило о пуританахъ, которыми создано было это учебное заведеніе: „они отличались нетерпимостью, какъ и всѣ люди, живущіе по всему міру и во всякое время. Люди всегда были такими и будутъ, пока не начнутъ безразлично относиться къ истинѣ и заблужденіямъ". Мнѣ кажется, что слова эти очень грустны. Историческіе факты довольно прискорбны. Въ общемъ указанный здѣсь фактъ мы должны признать истиннымъ, хотя тутъ и есть свѣтлыя и замѣчательныя исключенія. Однако предсказаніе, что человѣкъ никогда не будетъ существовать при такихъ условіяхъ, когда онъ будетъ одновременно и благочестивъ, и склоненъ къ вѣротерпимости, такое предсказаніе особенно грустно. Оно омрачаетъ всю будущность человѣчества и уничтожаетъ его самыя свѣтлыя надежды.

*) Кембриджъ въ Америкѣ (Массачузетсъ).

Если согласиться съ такимъ мнѣніемъ, то человѣчеству вѣдь предстоитъ вѣчный выборъ между благочестіемъ и изувѣрствомъ съ одной стороны, и индифферентизмомъ съ другой, или лучше, оно будетъ всегда совершать колебательныя движенія среди безнадежности и недовольства, вѣчнаго отчаянія и невозможности найти себѣ покой. Но вопреки всѣмъ такимъ состояніямъ отчаянія и колебаній, мы должны постараться стать на твердую почву. Мы со всею положительностію должны утвердить истину что вполнѣ искреннее и полное ревности убѣжденіе и возвышенная вѣротерпимость не только совмѣстимы другъ съ другомъ, но и необходимы другъ для друга. „Мы обыкновенно думаемъ“, сказалъ Фредерикъ-Морицъ въ одномъ изъ тѣхъ изреченій, которыя кажутся сначала парадоксальными, но которыя мало-по-малу начинаютъ казаться аксіомами, „мы обыкновенно думаемъ, что милосердіе основывается на *неуверенности* въ истинѣ, я же думаю, что оно основывается на *уверенности* въ истинѣ“.

Однимъ изъ признаковъ, что это дѣйствительно такъ, служитъ то, что именно только когда объединяются два вышеуказанные элемента, вѣротерпимость ставитъ человѣка, которому она свойственна, въ правильное, опредѣленное, почетное положеніе, становится для него желательною и дѣлается почетною составною частію его характера. Словомъ, вѣротерпимостью выражается совершенно законное и почетное отношеніе между двумя умами и природами, какого нельзя выразить никакимъ другимъ словомъ. Вотъ—мой другъ, съ которымъ я вполнѣ согласенъ; его мысли и убѣжденія какъ разъ совпадаютъ съ моими собственными. Я, конечно, не отношусь къ нему съ терпи-

мостью; въ данномъ случаѣ для нея нѣтъ мѣста. Но вотъ и еще мой другъ, съ которымъ я совершенно не согласенъ. Онъ со мною—также. Но я уважаю его; желаю, чтобы онъ придерживался именно своихъ собственныхъ убѣжденій. Считаю своимъ долгомъ убѣждать его и доказывать ему, что я—правъ, а онъ—нѣтъ, я все таки не захотѣлъ бы заставить его замолчать при помощи насилія, если бы и могъ. Мнѣ не хотѣлось бы также, чтобы и онъ рассказывалъ кому-нибудь о моемъ правовѣрїи и о томъ, какъ я правильно мыслю, не убѣдившись предварительно, что я дѣйствительно правъ. Въ этомъ случаѣ имѣется вѣротерпимость, въ которой присутствуютъ оба элемента; здѣсь мы вступаемъ съ своимъ другомъ въ правильныя отношенія, достойныя насъ обоихъ. Кратко-вѣротерпимость есть объединеніе въ совершенной гармонїи серьезнаго убѣжденія и личной снисходительности.

Кто осмысленно наблюдаетъ человѣческую жизнь, тотъ очень хорошо знаетъ, что всякое качество, въ которомъ для полноты его совершенства должны объединяться два элемента, почти по необходимости представляется страннымъ и неопредѣленнымъ прежде, чѣмъ условія для его появленія войдутъ въ него во всей ихъ полнотѣ. Дѣйствительно, способъ нравственнаго прогресса человѣчества нѣсколько страненъ. Оно не движется впередъ, какъ корабль, плывущій ровно по морю, всѣми своими частями подающійся все впередъ и впередъ. Нѣтъ, люди во время своего прогрессивнаго движенія больше походятъ на зигзагообразно идущаго человѣка, который подается то впередъ, то отходить назадъ. Какъ разъ именно такимъ образомъ и совершается прогрессъ человѣчества. Убѣжденность въ истинѣ и

дозволеніе диссента никогда не находятся въ совершенномъ равновѣсіи и не пропорціональны между собою; во всякое данное время что-нибудь одно преобладаетъ, и человекъ неровной походкой и сторонами неувѣренно пробирается и приближается къ тому времени, когда онъ будетъ отличаться вѣротерпимостью къ своимъ собратьямъ—людямъ пропорціонально съ тою убѣжденностью, съ которой онъ придерживается своихъ хорошо проверенныхъ мнѣній.

Истина, что качества имѣютъ свои качества, такова, что о ней нѣтъ и надобности напоминать. Качества качествъ весьма много опредѣляются мотивомъ, который во всякій отдѣльный моментъ вызываетъ качество къ дѣйствию. Они опредѣляются свойствами тѣхъ мотивовъ, которые просвѣчиваютъ чрезъ нихъ. Это вполне относится и къ вѣротерпимости. Во первыхъ, существуетъ вѣротерпимость самаго низшаго порядка—вѣротерпимость, истекающая изъ чистаго индифферентизма, бывающая результатомъ только безцѣльной благожелательности и благодушія. Если мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, существуетъ Богъ или нѣтъ, или если я считаю знаніе объ этомъ невозможнымъ, то не будетъ ли для меня рѣшительно все равно, признаетъ ли такой-то человекъ истину бытія Божія или нѣтъ? Во вторыхъ, есть вѣротерпимость, истекающая изъ политики, потворствующая заблужденію, потому-что искоренять его не столько полезно, сколько вредно. Это—добровольное лишеніе себя права искоренять заблужденія, предоставленіе плевеламъ расти ради того, чтобы сохранена была пшеница. Въ третьихъ, существуетъ вѣротерпимость, происходящая отъ слабосилія. Тутъ мы выражаемъ свое согласіе на существованіе заблужденія, потому что

не обладаемъ силою побороть его. Такою бываетъ вѣротерпимость гонимаго меньшинства. Въ четвертыхъ, существуетъ вѣратерпимость, проистекающая изъ полноты уваженія къ человѣку. Совершенно не соглашаясь съ мнѣніемъ какого-нибудь лица, вы все-таки искренно признаете за нимъ его право мыслить по своему, и это просто по той причинѣ, что онъ человѣкъ, независимо отъ того, насколько вредна или полезна его мысль. Въ пятыхъ, существуетъ вѣротерпимость, проистекающая отъ духовной симпатіи. Всѣ мнѣнія какого-нибудь лица совершенно ложны; но онъ мыслить хорошо и вы возвышаетесь до такого состоянія, что можете цѣнить свое общеніе съ нимъ. И, наконецъ, въ шестыхъ, существуетъ вѣротерпимость, проистекающая отъ расширеннаго взгляда на истину, соединенная съ сердечной и полной вѣрой въ Бога. Это—вѣротерпимость, появляющаяся во всякомъ человѣкѣ, которому извѣстно, что истина шире, чѣмъ его пониманіе этой истины, и что то, что кажется иногда заблужденіемъ въ другихъ людяхъ, на самомъ дѣлѣ бываетъ только одной изъ сторонъ истины, которою человѣкъ владѣетъ только не вполнѣ, и что истина есть дѣло Божіе, и о судьбахъ ея Богъ печется такъ же, какъ и онъ самъ.

Таковы шесть мотивовъ вѣротерпимости—индифферентизмъ, политика, слабосиліе, уваженіе къ человѣку, духовная симпатія, обширность истины Божіей. Это—различные цвѣта, которые можно наблюдать въ вѣротерпимости различныхъ людей, показывающіе, каково качество качества cadaго изъ нихъ. Вы видите, что указанная группа распадается въ самой срединѣ. Первые три вида вѣротерпимости нѣсколько низшаго разбора; послѣдніе три—всѣ возвышенны. Именно тамъ, гдѣ проходитъ по-

граничная линия между этими двумя группами,—тамъ наступа-
етъ и смерть вѣротерпимости. Именно тамъ, гдѣ человѣкъ на-
чинаетъ. пріобрѣтать какое-либо сильное убѣжденіе, онъ под-
вергается опасности сдѣлаться особенно нетерпимымъ; но его
нетерпимость, обнаруживаясь въ разныхъ случаяхъ, полна на-
дежды на лучшую вѣротерпимость, которая находится на трехъ
высшихъ ступеняхъ. Не видите ли, какъ необходимо знать свой-
ство вѣротерпимости человѣка и разсматривать, каково качество
качества этого свойства въ каждомъ отдѣльномъ ея проявленіи?

Если мы будемъ еще глубже изслѣдовать корни такъ ши-
роко распространеннаго мнѣнія, будто положительное убѣжденіе
не необходимо для вѣротерпимости къ мнѣніямъ, отличающимся
отъ нашихъ собственныхъ, то увидимъ, что это бываетъ резуль-
татомъ низменной и пошлой идеи, которую многіе, и даже лю-
ди, толкующіе очень много о священномъ достоинствѣ своихъ
убѣжденій имѣютъ о томъ, что такое дѣйствительное убѣжде-
ніе. Убѣжденіе въ томъ, во что мы вѣримъ, имѣетъ личный
характеръ. Оно входитъ въ характеръ вѣрующаго, равно какъ
и въ его мышленіе, какъ ихъ составная часть. Оно дѣлаетъ
человѣка другимъ и болѣе глубокимъ человѣкомъ. А всякое углу-
бленіе человѣческой природы, такъ сказать, централизируетъ ее,
т. е. приближаетъ къ центру той окружности, на поверхности
которой вырисовываются всѣ специфическія вѣрованія людей.
Въ самомъ центрѣ этой окружности находится Духъ Истины, а
всѣ эти специфическія вѣрованія людей представляются несо-
вершеннымъ и болѣе или менѣе разрозненнымъ Его выражені-
емъ. Человѣкъ, если направляется къ этому центральному пунк-
ту, вступаетъ тамъ въ общеніе съ Духомъ Истины и чувствуетъ

на себѣ Его вліяніе, выражающееся въ вѣрованіяхъ, которыя питаются имъ на всѣхъ сторонахъ. Въ силу именно этой центральности, которой человѣкъ достигаетъ, онъ можетъ и понимать все, его окружающее, и сочувствовать ему. Такимъ образомъ совѣтъ, который вы можете преподать всякому изувѣру, если хотите, чтобы онъ сдѣлался вѣротерпимымъ, долженъ заключаться не въ томъ, чтобы онъ, „какъ вѣрующій, нѣсколько поубавилъ своей вѣры и началъ дѣйствовать полегче“, а въ томъ, чтобы онъ „еще глубже вѣровалъ и приумножалъ свою вѣру“. Пусть онъ поставитъ свою вѣру въ зависимость отъ ея первоначальнаго духовнаго смысла; пусть онъ старается овладѣть самыми основами истины. Тогда онъ съ удовольствіемъ увидитъ, что и его братъ отправляется изъ той же самой центральной точки, откуда и онъ, хотя и описываетъ окружность совсѣмъ не по той линіи, по какой онъ. Какъ бы это ни показалось страннымъ съ перваго взгляда, однако, несомнѣнно, что чѣмъ глубже и духовнѣе вѣра человѣка, тѣмъ болѣе, а не менѣе, дѣлается человѣкъ вѣротерпимымъ къ своему ближнему, который надѣется на вѣчную жизнь.

Можетъ быть мы установимъ и глубже ту же самую истину, только нѣсколько инымъ путемъ, если скажемъ, что истинная вѣротерпимость заключается въ любви къ истинѣ и въ любви къ человѣку, когда каждая любовь доводится до возможнаго совершенства и находится въ совершенномъ согласіи одна съ другой, и что эти два великіе аффекта бываютъ совершенны и находятся въ совершенномъ согласіи только тогда, когда они содержатся и округляются въ еще болѣе великомъ аффектѣ—въ любви къ Богу. Любовь къ одной только истинѣ дѣлаетъ чело-

вѣка черствымъ. Такой человекъ не жалѣетъ своего ближняго. Онъ восклицаетъ: „что за важность, если кто-нибудь будетъ подвергнутъ пыткамъ или смерти ради истины, если онъ будетъ раздавленъ тѣми колесницами, на которыхъ она торжественно шествуетъ въ свое царство?“ Тутъ именно и появляются костры и эшафоты. А любовь только къ человекѣ бываетъ причиною слабости. Она прикрашиваетъ, замазываетъ и переряживаетъ истину для удовлетворенія людской прихоти. „Вы желаете, чтобы то-то и то-то было истинно; ну, и пусть будетъ такъ“; такія рѣчи говорятъ невѣрующему человекѣ или тяжелому на подъемъ. Любовь только къ одной истинѣ вызываетъ черствость; любовь только къ человекѣ—слабость и сентиментальность. Только тогда, когда истину и человекъ любятъ любовью Божіей, любятъ ради Бога, любятъ истину, какъ Слово Божіе, а человекъ, какъ твореніе Божіе,—только тогда всѣ эти виды любви объединяются и сливаются въ вѣротерпимости. Отсюда понятно, что абсолютная и сильная вѣротерпимость, далеко не будучи врагомъ религіи, какъ это нелѣпо утверждали многіе, можетъ получаться только на религіозной почвѣ и никогда не можетъ быть полною до тѣхъ поръ, пока человекъ не будетъ относиться къ своимъ ближнимъ со всею полнотою Божіей любви.

Теперь я обращусь къ личному опыту слушающей меня здѣсь тысячи студентовъ и спрошу ихъ, не могутъ ли и сами они быть свидѣтелями того, что мною высказано? Не правда ли, сами вы не отличались ли тѣмъ большею терпимостію, чѣмъ больше вы были въ чемъ либо убѣждены? Не случается ли, что мы относимся съ наибольшею терпимостію именно къ тѣмъ людямъ, которые отстоятъ отъ насъ такъ далеко, какъ небо отъ

земли, и не относимся съ терпимостію къ лицамъ, несогласіе которыхъ съ нами простирается только на ширину какого-нибудь волоска? Въ самомъ дѣлѣ, мы относимся вѣдь съ полною вѣротерпимостію къ буддистамъ и магометанамъ: но менѣе къ квакерамъ и конгрегационалистамъ; еще менѣе—къ членамъ нашей собственной церкви, принадлежащимъ къ какой-нибудь „другой школѣ“ мысли сравнительно съ нами. Не правда ли, что гдѣ различіе слишкомъ велико, тамъ мы чувствуемъ подъ ногами твердую почву и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываемся и наиболѣе вѣротерпимыми? А гдѣ различіе не велико, тамъ и больше чувствуемъ опасеній, и вѣротерпимость наша бываетъ незначительна. Не свидѣтельствуетъ ли все это объ истинѣ того, что мною было высказано, именно, что высокая вѣротерпимость требуетъ твердой и опредѣленной вѣры?

Мнѣ остается теперь отмѣтить нѣсколько пунктовъ въ исторіи вѣротерпимости, ограничиваясь исключительно исторіей той вѣротерпимости, которая относится собственно къ христіанству.

Евреи не отличались вѣротерпимостію завѣдомо и съ извѣстною цѣлью. Въ ихъ исторіи выступала другая сторона человѣческаго прогресса. Имъ было предназначено выразить и научить, какова бываетъ сила положительнаго убѣжденія. Ихъ исторія походитъ на крѣпкій стволъ растенія, сложеннаго плотно и исключавшаго всѣ постороннія прививки. Цѣль же этого была та, чтобы на вершинѣ растенія могла появиться великая отрасль, благородный цвѣтокъ, на немъ разцвѣтшій. Этотъ цвѣтокъ былъ Христосъ: въ лицѣ Его ясно и совершенно былъ данъ міру образецъ полной вѣротерпимости. Любовь къ истинѣ

и любовь къ чловѣку,—каждая въ совершенной гармоніи одна съ другой, подъ всеобъемлющей любовью Божіей, не въ этомъ ли и заключается жизнь Іисуса Христа? Онъ ни на мгновеніе не уклоняется отъ абсолютной истины; и это выражалось Имъ съ такой глубиной, что Онъ не только утверждаетъ истину, но и Самъ есть Истина. И однако Его долготерпѣливость, снисходительность къ своимъ братьямъ, Его полный отказъ пользоваться какимъ либо насиліемъ для отвращенія людей отъ заблужденій, кромѣ разумнаго и духовнаго убѣжденія, все это представляется совершенно яснымъ; и не подлежитъ сомнѣнію, что въ Немъ всѣ начала, необходимыя для вѣротерпимости, существенно объединились.

Разъ былъ заданъ такой высокой, ясный тонъ, разъ былъ данъ примѣръ и образецъ для руководства, церковь вступила въ продолжительную, медленную борьбу съ цѣлю добиться такой же вѣротерпимости, выразить въ своей жизни подчиненіе образцу, данному ей ея Учителемъ. Въ апостольской церкви и той, которая за нею непосредственно слѣдовала, духъ вѣротерпимости поддерживался въ весьма высокой степени. Не подлежитъ сомнѣнію, что иногда церковь обнаруживала попытки и согласіе стать на сторону чуждаго вѣротерпимости положительнаго вѣрованія; однако духъ братской любви былъ такъ силенъ, что почти тотчасъ же другая сторона, одушевляясь вѣротерпимостію и снисходительностію, выступала противъ гонителей. И далѣе, въ ранніе дни церковь терпѣла гоненія; а гоненіе всегда дѣлаетъ гонимаго чловѣка защитникомъ вѣротерпимости.

Съ прекращеніемъ гоненія, съ утвержденіемъ христіанства въ мірѣ при Константинѣ, появились въ числѣ другихъ золь, и

усиленіе и господство нетерпимости. Гоненія на іудеевъ, язычницвъ, еретиковъ съ этого времени дѣлаются обычнымъ явленіемъ. Любовь къ истинѣ, въ томъ видѣ, какъ ее понимали люди, устранила любовь къ человѣку, причина же этого заключалась въ устраниеніи и извращеніи любви къ Богу. Въ средніе вѣка нетерпимость возведена была въ догматъ, напр., на Латеранскомъ Соборѣ. Она преобразовалась въ свирѣпость, напр., когда де-Монфоръ избивалъ альбигойцевъ въ 1209 году. Она пустила свои корни и какъ учрежденіе, когда Иннокентій III учредилъ Инквизицію въ 1208 году. Съ наступленіемъ протестантской реформаціи такая теорія измѣнилась не вдругъ. Принципъ преслѣдованія былъ принятъ многими протестантскими реформаторами; его открыто придерживались: Лютеръ, Кальвинъ, Беза, Ноксъ и даже Меланхтонъ, Кранмеръ, Ридлей. Но хотя теорія и оставалась, однако скоро сдѣлалось очевиднымъ, что уже иной духъ началъ господствовать. Въ разныхъ мѣстахъ выступали просвѣщенные и полные вѣры въ положительную истину люди,—они защищали при этомъ и вѣротерпимость. Изъ реформаторовъ въ этомъ отношеніи всѣхъ больше выдавался по благородству и чистосердечію Цвингли, который въ эти времена мрака такъ часто являлся просвѣщеннымъ человѣкомъ. А Оливеръ Кромвель уже писалъ: „въ дѣлахъ мысли, братія, мы не допускаемъ никакого иного принужденія, кромѣ просвѣщенія и разумныхъ доказательствъ“.

Необходимо глубоко увѣриться въ томъ, что цѣнность вѣротерпимости зависитъ отъ религіозности, что человѣкъ не можетъ достигнуть высшей вѣротерпимости, не будучи религіозенъ. Слишкомъ долго религіозность и вѣротерпимость ка-

зались открытыми врагами и заключали только вооруженное перемирие другъ съ другомъ. Слишкомъ долго молодые религіозные мыслители воображали, что вѣротерпимость есть измѣна истинѣ, которой они придерживались и измѣна Учителю, котораго они любили, заключающаяся въ стремленіи къ сердечной симпатіи и пониманію серьезныхъ людей и системъ, которые находились на далекомъ разстояніи и отъ нихъ самихъ, и отъ ихъ собственныхъ системъ, и отъ ихъ Учителя. Здѣсь—первое основаніе для будущей вѣротерпимости, не для широкаго ея распространенія, но ея лучшаго вида: вѣротерпимость должна становиться все болѣе и болѣе религіозной. Она должна переполняться все болѣе и болѣе глубокимъ благочестіемъ. Нравственно нисколько не затруднительно думать, что человѣкъ долженъ отличатся вѣротерпимостью, если будетъ отличатся искреннимъ благочестіемъ. Мы должны съ увѣренностію ожидать, что человѣкъ будетъ отличатся вѣротерпимостью, если станетъ онъ религіознымъ. Первый долгъ всѣхъ насъ заключается въ сочувствіи этому ожиданію и постоянномъ стремленіи смотрѣть на религіозность и вѣротерпимость не какъ на враговъ, а какъ на самыхъ любезныхъ друзей. Наша обязанность добиваться такой вѣротерпимости, которая не можетъ переряживаться и представляться въ ложномъ видѣ, и граничить ни съ изувѣрствомъ съ одной стороны, ни съ такъ называемымъ „свободо-мысліемъ“ съ другой. Всѣмъ усиленнымъ попыткамъ къ расширенію какого-нибудь принципа или вліянія должно всегда предшествовать стремленіе понимать и опредѣлять ихъ правильно: мы должны знать, въ чемъ заключается принципъ, прежде чѣмъ относиться къ нему съ энтузіазмомъ, или же настаивать, чтобы

онъ былъ съ энтузіазмомъ принятъ нашими собратьями—людьми.

Мы пока не пытались дать опредѣленія слову вѣротерпимость. Мы мыслили почти также, какъ и всякій мыслить о жизни,—что нужно жить прежде, чѣмъ пытаться разъяснить себѣ или своимъ собратьямъ, что такое жизнь. Но теперь не можемъ ли мы утверждать, что вѣротерпимость заключается въ слѣдующемъ: „она есть добровольное согласіе, чтобы другіе люди придерживались мнѣній, съ которыми мы не соглаены, и выражали ихъ, пока они не убѣдятся доказательствами, что ихъ мнѣнія невѣрны“? Въ этомъ опредѣленіи подразумѣваются пять предметовъ. Во первыхъ, согласіе это добровольно; оно не есть только уступка вслѣдствіе отчаянія. При этомъ мы можемъ обладать полною силою для подавленія заблужденія, какою только обладали когда либо папа или парламентъ; но мы ни на мгновение не намѣревались бы стараться о примѣненіи этой силы. Съ другой стороны, и во вторыхъ, это простое согласіе. Вѣротерпимые люди не призываются защищать дѣлъ, въ которыя они не вѣрятъ, или трубить о томъ, во что они вѣрятъ. Потому что, въ третьихъ, самою сущностью вѣротерпимости требуется разногласіе; а разногласіе подразумѣваетъ положительное убѣжденіе. И, въ четвертыхъ, заблужденіе, если оно не оставляется, пока не постараются убѣдить людей при помощи разумныхъ доказательствъ, должно опровергаться людьми, которымъ свойственна вѣротерпимость; и, такимъ образомъ, право и обязанность серьезнаго разсмотрѣнія дѣла входятъ въ вѣротерпимость, какъ его составная часть. И, въ пятыхъ, вѣротерпимые люди, которые снисходительно относятся ко всему, что они считаютъ честнымъ убѣжденіемъ, относятся съ крайней нетерпимостью

къ нечестности, лицемѣрію, самомнѣнію, ханжеству, будутъ ли эти недостатки на той сторонѣ, которую честный человѣкъ считаетъ заблуждающеюся, или же на той, которую онъ считаетъ правой. Есть нравственная нетерпимость, которая должна идти рядомъ съ разсудочною терпимостію, чтобы придать себѣ силу.

Сердечность, разсудительность, положительность, ясность, сознательность—всеми этими качествами должна отличаться совершенная вѣротерпимость. Все это должно быть свойственно ей въ силу самаго ея опредѣленія.

Вѣротерпимость появится не вслѣдствіе какихъ-нибудь сдѣлокъ, не вслѣдствіе договоровъ или преградъ, не вслѣдствіе намѣренныхъ уступокъ и компромиссовъ, но вслѣдствіе подъема самой жизни. Будущность вѣротерпимости зависитъ отъ преуспѣянія и созрѣванія духовнаго человѣка. Кто надѣется на вѣротерпимость, тотъ пусть надѣется на нее глубоко. Кто боится ея, тотъ пусть утѣшаетъ себя увѣренностію, что она никогда не наступитъ, пока жизнь человѣческая не будетъ глубже проникнута благочестіемъ и лицезрѣніемъ Бога. Только тогда прекратятся тѣ опасности, которыхъ онъ боится.

Лучшій путь, по которому мы должны идти,—это забыть о вѣротерпимости и стараться все болѣе и болѣе дѣлаться людьми истины и служителями Христа. Такъ мы придемъ къ вѣротерпимости, единственно достойной этого названія, которая заключается въ любви къ истинѣ и въ любви къ человѣку, согласованныхъ съ любовью къ Богу и покрывающихся ею*.

Священникъ *Θ. Цвѣтковъ.*

Исторія первыхъ временъ Амура.

(Продолженіе *).

Вторая осада Албазина.

Съ потерей Албазина человѣку, близко знавшему Амуръ, помириться было невозможно, потому что, лишаясь Албазина, русскіе необходимо теряли и весь Амурскій край. Не помирился съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ и новый Нерчинскій воевода Власовъ.

Прежде всего, по приходѣ въ Нерчинскъ албазинцевъ, Власовъ отправилъ въ Албазинъ 70 человѣкъ на легкихъ лодкахъ — провѣдать, въ какомъ положеніи его оставили китайцы. Вѣсти, привезенныя развѣдчиками, были не безотрадны. Албазинъ, правда, былъ разрушенъ и окрестныя деревни сожжены, но хлѣбныя посѣвы остались нетронутыми и развѣдчики насчитали вокругъ Албазина около 1000 десятинъ готоваго къ уборкѣ хлѣба.

Къ тому же времени, какъ разъ, прибылъ въ Нерчинскъ Бейтонъ съ своимъ отрядомъ и Власовъ тотчасъ же отправилъ его въ Албазинъ. Съ Бейтономъ пошли многіе изъ прежнихъ жителей, такъ что всего вышло изъ Нерчинска 671 человѣкъ, въ числѣ ихъ 200 человѣкъ собственно команды Бейтона. При партіи было 8 пушекъ.

Воеводство, согласно общаго желанія, опять было поручено Алексѣю Толбузину, а Бейтону приказано ему повиноваться.

Прійдя въ Албазинъ, русскіе занялись сначала уборкой хлѣба, а потомъ начали отстраивать городъ и къ осени укрѣпле-

*) См. №№ 10, 11, 12, 13, и 14 Вл. Епарх. Вѣдомостей за 1908 г.

не было готово, оно представляло собою валъ, устроенный изъ дерна, глины и кореньевъ, достигавшій въ вышину трехъ, а въ ширину четырехъ сажень.

Осенью вблизи Албазина показались летучіе отряды манчжуровъ, авъ Албазинъ были подсланы ими въ цѣляхъ развѣдъ и нѣсколько тунгусовъ, представлявшихъ русскимъ для вида не-большой ясакъ. Толбузинъ отправилъ по слѣдамъ отрядовъ— Бейтона, съ тѣмъ, чтобы тотъ досталъ „языковъ“ т. е. людей, отъ которыхъ можно бы было узнать, что дѣлается у неприятелей.

Недалеко отъ рѣчки Кумары отрядъ Бейтона настигъ манчжуровъ и послѣ отчаянной битвы русскимъ удалось взять въ плѣнъ одного человѣка. Желанный языкъ былъ добытъ. Отъ него узнали, что манчжуры ожидали русскихъ на Амурѣ и посылали сюда легкіе отряды для того, чтобы мѣшать русскимъ въ уборкѣ хлѣба. „Языкъ“ рассказалъ также, что манчжуры построили новый городъ немного ниже р. Жи (Зеи), и вся армія, бывшая у стѣнъ Албазина, сосредоточена теперь тамъ. При арміи имѣется до 30 пушекъ, хотя мелкаго огнестрѣльнаго оружія очень мало. Манчжуры, успокаивалъ „языкъ“, на слѣдующій годъ будутъ заняты, навѣрное, постройкой города по р. Нони (Нонъ Ула), которая уже рѣшена, и, такимъ образомъ, ихъ ждать у Албазина можно не ранѣе весны 1687 года.

Зима и весна слѣдующаго 1686 года, дѣйствительно, какъ увѣрялъ „языкъ“, прошли для Албазинцевъ весьма спокойно. Такъ же спокойно началось и лѣто и только въ іюль 1686 г. Албазинъ опять увидѣлъ подъ своими стѣнами большую манчжурскую армію, состоявшую изъ 5 тысячъ пѣхоты и 3 тысячъ конницы при 40 пушкахъ.

Толбузинъ успѣлъ отправить гонцовъ въ Нерчинскъ съ извѣстіемъ о нападеніи манчжуровъ и приготовился къ осадѣ. Сожжены были вокругъ крѣпости хлѣбныя поля и деревушки, а всѣ жители оттуда переселились въ Албазинъ. Въ Албазинѣ, по приказанію Толбузина, уничтожили для предотвращенія пожара всѣ деревянныя постройки, а защитники устроились въ землянкахъ.

До сентября время прошло въ обоюдныхъ приготовленіяхъ. Манжуры сначала тоже соорудили себѣ нѣчто въ родѣ крѣпости изъ частокола, который они завалили сырымъ лѣсомъ. Отъ каленныхъ ядеръ, пущенныхъ изъ Албазинской крѣпости, частоколь сгорѣлъ, а немного времени спустя, изъ Албазина былъ проведенъ подъ лѣсъ подкопъ и онъ былъ взорванъ. Послѣ этого манжуры устроили земляной валъ, на который поставили свои пушки и изъ нихъ поддерживали непрерывную канонаду по русской крѣпости, не приносящую русскимъ никакого существеннаго вреда.

1 сентября манжуры пошли на приступъ, но были отбиты, и съ большимъ урономъ ушли въ свой лагерь. Положенія отчасти перемѣнились. Послѣ отбитаго неудачнаго для манжуровъ приступа 1 сентября, нападающими начинаютъ быть русскіе, которые своими смѣлыми и удачными вылазками наносятъ своему непріятелю большой вредъ.

Хорошо описывается впечатлѣніе, произведенное русскими на манжуровъ, въ одномъ изъ китайскихъ донесеній въ Пекинъ.

„Люди царства Лочэ всѣ съ впатыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами. Оружіе въ ихъ

рукахъ страшно. Они храбры, какъ тигры, и искусны въ стрѣльбѣ. У нихъ есть пушки, называемыя арбузами, потому что формой ихъ ядра напоминаютъ арбузы: они изъ нихъ мѣтко попадаютъ во вражескій лагерь, и послѣднія растрескиваются, хотя бы на разстояніи нѣсколькихъ ли *)). Кто имъ ни попадался, того они убивали. Манжуры всѣ испугались^{*)}. Цзянь-цзюнь, донося о семъ государю, молилъ о спасеніи **).

И, конечно, еслибы не это, что „манжуры всѣ испугались“, Албазинъ, несомнѣнно, былъ бы взятъ ими.

Въ сырыхъ, тѣсныхъ и холодныхъ землянкахъ, гдѣ помѣщались защитники Албазина, начала развиваться цинга, уносившая болѣе жертвъ, нежели неприятельскіе снаряды. Въ январѣ 1637 года число защитниковъ уменьшилось до 150 человекъ, въ апрѣлѣ—до 82, а въ маѣ оно достигало лишь 66 ***), и это отъ 736 человекъ, бывшихъ при началѣ осады.

Мало того, въ началѣ 1687 года въ одной изъ вылазокъ былъ раненъ, а вскорѣ и скончался отъ раны и душа всей компаніи воевода Алексѣй Толбузинъ.

Послѣ Толбузина принялъ начальство, уже извѣстный намъ, полковникъ Бейтонъ. Это былъ человекъ умный и опытный, или, какъ онъ описывался въ бумагахъ того времени, человекъ „навычный въ дѣлѣ ратномъ и зело хитеръ“ ****) и только благодаря ему, можетъ быть, 66 человекъ русскихъ могли стоять противъ нѣсколькихъ тысячъ манчжуровъ, сильныхъ, помимо всего прочаго, уже одной своей массой.

*) Китайская ли нѣсколько ченѣ полуверсты.

**) Шперкъ. „Россія Дальняго Востока“. 1. с., стр. 67.

***) Ibid. стр. 72.

****) Н. Щукинъ. „Подвиги русскихъ на Амурѣ“. стр. 44

6 мая 1687 года манчжуры отступили отъ Албазина на 4 версты, и осажденные могли безопасно выходить изъ него и посылать отписки въ Нерчинскъ. Такъ простояли манчжуры до конца лѣта слѣдующаго 1688 года. За это время они только разъ попытались узнать въ какомъ положеніи находится ихъ противникъ, предложивъ Бейтону послать для его больныхъ ратниковъ своихъ лѣкарей, но Бейтонъ не далъ поймать себя на эту удочку, и отвѣчалъ, что въ его командѣ всѣ здоровы, а въ доказательство того, что его команда не испытываетъ и лишенія въ правіантѣ, отправилъ манчжурамъ пирогъ вѣсомъ въ пудъ.

30 августа 1688 года манчжуры получили изъ Пекина приказаніе снять осаду и удалиться отъ стѣнъ Албазина, такъ какъ между Московскимъ правительствомъ и Пекинскимъ дворомъ начались мирные переговоры. Мольбы манчжуровъ „о спасеніи“ дошли, наконецъ, до Богдыхана, и они поспѣшили исполнить его милостивое приказаніе.

Защитники Албазина, уцѣлѣвшіе послѣ двухъ годовой осады, приступили къ пашнѣ.

Переговоры и потеря Амура.

Переговоры, дѣйствительно, начались.

Въ 1685 году изъ Москвы были отправлены въ Пекинъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, два канцеляриста Посольскаго. Приказа—Никифоръ Венюковъ и Иванъ Логиновъ съ извѣстіями, что русскій посолъ, назначенный для переговоровъ съ китайскими уполномоченными, выѣхалъ уже изъ Москвы. По прибытіи ихъ въ Пекинъ, Богдыханъ и отдалъ своему войску приказаніе—оставить Албазинъ.

Съ русской стороны былъ назначенъ для переговоровъ окольникій, Брянскій Намѣстникъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ, и ему въ товарищи даны стольникъ Нерчинскій воевода Иванъ Астафьевичъ Власовъ и дьякъ Семень Карницкій.

Мѣстомъ для переговоровъ Богдыханъ назначилъ Нерчинскъ, куда китайскіе уполномоченные *) прибыли 21 іюля 1689 года. По дорогѣ чрезъ Манчжурію послы набрали до 15 тысячъ войска, присутствіе котораго вблизи Нерчинска много помогло имъ при послѣдующихъ „дипломатическихъ“ переговорахъ. Головинъ со свитой пріѣхалъ въ Нерчинскъ 9 августа и тотчасъ по его прибытіи былъ устроенъ для переговоровъ шатеръ, и начались переговоры.

Возлѣ шатра стояла охрана по 260 человекъ съ той и другой стороны, а немного въ отдаленіи находилось еще по 500 человекъ и такъ было во все время переговоровъ.

Переговоры начались на латинскомъ языкѣ и вели ихъ съ китайской стороны іезуиты—одинъ Испанецъ—Перейра, другой Французъ—Жербильонъ, **) но потомъ китайцы заподозрили іезуитовъ въ измѣнѣ и потребовали, чтобы велись переговоры на монгольскомъ языкѣ.

Головинъ, согласно 1 пункта своего полномочія, ***) сразу же потребовалъ отъ китайцевъ, „чтобы между русскими и китайскими владѣніями границею была написана рѣка Амуръ“, мотивируя это тѣмъ, что русскіе уже 40 лѣтъ владѣютъ этимъ

*) Сановникъ Сан-го-ту, начальникъ войскъ, расположенныхъ внѣ Великой Стѣны, Тун-Гус.-Ханъ и дядя императора—Ланг-Танъ.—Ср. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. „Описаніе Амурской Области“. стр. 21-2.

**) С. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Т. XIV: стр. 67.

***) Ibid. стр. 66.

краемъ. На требованіе Головина китайцы выставили свое, чтобы Россія уступила имъ всю землю до озера Байкаль, потому что ея нѣкогда владѣлъ ихъ повелитель Чинъ-гиз-ханъ.

Головинъ сдался и назначилъ границею р. Амуръ до р. Зеи. *) Уступили и китайцы, потребовавъ сдѣлать пограничнымъ городомъ—Нерчинскъ.

Опять съѣзжаются послы и снова расходятся неудовлетворенными, хотя китайцы не могли не замѣтить готовности Головина къ уступкамъ, и въ дальнѣйшемъ стараются извлечь изъ нея немалую для себя пользу.

Еще толкуютъ и снова Головинъ уступаетъ, назначая границею р. Амуръ уже по городъ Албазинъ. **) Китайцы выставляютъ тогда новое, послѣднее, какъ іезуиты тайно объявили русскимъ, требованіе—„быть границѣ по р. Горбицѣ на пути между Нерчинскомъ и Албазинымъ.“ ***)

Вслѣдъ за этимъ требованіемъ начинается въ кигайскомъ лагерѣ движеніе. Его поддерживаютъ ясачные Буряты и Онкоты, только недавно еще приведенные въ русское подданство, и перешедшіе сейчасъ на сторону китайцевъ.

На окрестныхъ сопкахъ показались тысячи три вооруженныхъ китайцевъ со знаменами и въ полной боевой готовности и Головинъ, испугавшись возможности войны въ срѣдствѣ неукрѣпленномъ городкѣ, поторопился согласиться на всѣ требованія китайцевъ.

27 августа 1689 года былъ, наконецъ, заключенъ этотъ договоръ, по которому Россія лишалась Амура.

*) 1 пунктъ наказа Головину. Ibid стр. 66.

**) 2 пунктъ наказа.

***) Ibid стр. 70.

Текстъ его слѣдующій

„Божією милостію Великихъ Государей и Великихъ князей, Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, Ихъ Царскаго Величества великіе и полномочные послы ближній окольничій и намѣстникъ Брянскій Θεодоръ Алексѣевичъ Головинъ, стольникъ и намѣстникъ Елатомскій Иванъ Астафьевичъ Власовъ, дьякъ Семень Корницкій, будучи на посольскихъ сѣздахъ, близъ Нерчинаска, великихъ азіатскихъ странъ повелителя, монарха самовластнѣйшаго межъ премудрѣйшими вельможами богдайскими, закона управителя, дѣль общества народа китайскаго хранителя и славы, настоящаго богдайскаго и китайскаго Богдыханова высочества съ великими послы Сомгудо, надворныхъ войскъ съ начальникомъ и внутренніе палаты съ воеводою, царства совѣтникомъ, Дастумке Каномъ, внутренніе же палаты съ воеводою, перваго чина княземъ и ханскаго знамени съ господиномъ, и ханскимъ дядею Иламтомъ, одного же знамени господиномъ и прочими постановили и сими договорными статьями утвердили.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Вр. И. д. Редактора Протоіерей Каѳедральнаго Собора І. Коноплевъ.

Печатать разрѣшается. Цензоръ, преподаватель Семинаріи А. Топорковъ

Типографія В. Д. Хворова.